Вспомните эту мелодию

„ЛЮБОВЬ К ТРЕМ АПЕЛЬСИНАМ“

Можно понять современников Чайковского, которые недоумевали, узнав, что он пишет оперу на сюжет «Евгения Онегина». В романе Пушкина все герои переживают свою драму молча. Казалось, что им делать на сцене? Роман почти лишен внешних событий. К тому же в опере, по тем представлениям, всегда должно было быть нечто экзотическое, так как экзотику многие принимали за романтику. Сюжет романа «Евгений Онегин» полностью исключал возможность какой бы то ни было экзотики. И тем не менее опера была создана, в ней оказались и романтика, и сценичность, и еще нечто, что присуще произведению большого искусства.

Выбор гения часто поражает неожиданностью, но, даже зная это, каждый раз удивляешься смелости молодого Прокофьева, написавшего оперу на основе сказки Карло Гоцци «Любовь к трем апельсинам». Это ведь не столько сказка, сколько литературная пародия на трагедию того времени с ее мнимо серьезными страстями и «чудесными» развязками. Ее ждала судьба такого памятника, которому пылиться в неизвестности, лишь иногда поражая ученые умы остроумием, с каким Гоцци издевался над литературными противниками. Казалось, она и могла рассматриваться лишь в свете литературной борьбы того времени. Даже когда название этой сказки перешло в название авангардистского театрального журнала, это не стало признанием ее. Просто оценили вызов, заключенный в этом названии. «Любовь к трем апельсинам» звучит почти так же, как «Об-

лако в штанах». Вслушайтесь: любовь (понимай: страсть) к трем (цифра «три» для сказок не проста) — и вдруг пустячок — апельсинам.

Впервые заметил сценичность этой сказки режиссер Всеволод Мейерхольд. Он и посоветовал Прокофьеву написать оперу на сюжет сказки. И опера, созданная в 1919 году, вернула сказке утраченную сценичность, так как музыка дала повествованию нужный тон, образам — необходимую законченность. В 1925 году, не желая расставаться с близкими ему образами, с темой театра, Прокофьев создает по мотивам оперы симфоническую сюиту «Любовь к трем апельсинам». Музыка этой сюиты, несомненно, доставит удовольствие даже тем, кому слова «симфоническая сюита» внушали лишь почтительный страх. Она может явиться для них окном в мир серьезной музыки.

Тема сюиты — это тема театра как мира, где рядом неразрывно слиты мишура и подлинность, маски и чудовища, притворство и подлинные страсти. Первая часть сюиты — «Чудаки». Вереница театральных масок: шутовских, страшных и волшебных в одно и то же время. Но не очень-то верьте, что это наряды и мишура. Рядом с ней, где-то неразрывно сливаясь, идет и подлинность. И в парад масок величественно входят сказочные герои и чудовища.

Вторая часть сюиты — это снова та же тема величественного и шутовского рядом. Адаский свист ветра. Грозные реплики чудовищных магов и колдунов. Шутовская деталь: низкой басовой реплике мага Че-

лия вторит, полностью повторяя ее мелодией и интонацией, высокая фраза фата-морганы...

О третьей части — марше — писать не стоит. Он достаточно хорошо известен. К нему неразрывно примыкает тема скерцо, тема сказочного похода Принца и Труффальдино за тремя апельсинами.

Но вот и замечательная лирическая часть «Принц и принцесса». Луначарский считал, что «в чистом лиризме — гигантская значимость Прокофьева». Поклонники легкой музыки часто считают, что современность свойственна лишь эстраде, а классика безвременна. У композиторов прошлых эпох музыкальная мысль, проходя через ритмы и интонации времени, иногда производит такое же впечатление, как это бывает в балете. Девушка, прежде чем опустить голову на плечо любимого, делает еще несколько «па» и встает на одну ножку. У Прокофьева этого нет. У него чувства влюбленных передаются непосредственно от сердца к сердцу. «Принц, я жду тебя давно». — «Принцесса, я ищу тебя по всему свету»...

Последняя часть сюиты — «Побег», где сочетаются грация, шутство и сказочное волшебство.

На пластинке, изданной фирмой «Мелодия», кроме сюиты «Любовь к трем апельсинам», вы найдете и сюиты из оперы «Игрок», где вы сможете познакомиться с умением Прокофьева создавать яркие психологические портреты, и кантату «Семеро их» на слова К. Бальмонта — попытку Прокофьева создать «что-нибудь большое, космическое».

Произведения Прокофьева записаны в исполнении Большого симфонического оркестра и большого хора Всесоюзного радио, дирижер Геннадий Рождественский. Аннотация С. Шлифштейна на конверте пластинки знакомит нас с историей создания этих произведений Прокофьева.

Л. КОРИНА,
педагог.

28 янв 1972

Г. ПЕРМЬ